

ДРАМТЕАТР:

ОБЛИК СЕЗОНА

В Куйбышевском академическом театре драмы имени А. М. Горького заканчивается очередной сезон. Впереди — летние гастроли в Минске, к которым сейчас готовится коллектив. Короче говоря, настала самая подходящая пора оглянуться назад и посмотреть, чем же был знаменителен прошедший сезон, на какие вопросы он ответил и какие проблемы поставил.

Об этом и пойдет речь в данных заметках.

1. ЗРИТЕЛИ

Как известно, в Куйбышеве любят театр. Театр вообще, и Куйбышевский академический, в частности. Посещаемость, говоря деловым языком, здесь высокая и стабильная, выше, чем в каком бы то ни было нестолычском театре России. Привычкой стала и мысль о том, что наш драматический театр является одним из признанных центров эстетического воспитания, духовной жизни куйбышевцев.

Известно также, что наш театр есть за что любить, подтверждения этому мы получаем постоянно, и нынешний сезон не исключение.

Но что такое любовь без душевного движения, без сомнений, разочарований, страданий? Что это за «среднеарифметический» зритель, который каждый вечер покорно заполняет зал, восхищенно благодарит артистов за полученное удовольствие, чтобы наавтра повторить все снова?

А может быть, вовсе и нет такого «среднего» зрителя, а есть зрители разные, и любовь их к театру совсем не

одинакова и совсем не благодушна?

И что это такое — любить театр? Быть театралом? Но сколько театралов маячат на премьерах исключительно по привычке или по престижным соображениям, в то время как настоящий зритель жалостливо спрашивает у входа лишний билетик?

Нет, это нечто иное, более значительное. Обратимся к великим и вспомним, как В. Г. Белинский писал на эту тему: «Театр!.. Любите ли вы театр так, как я люблю его, т. е. всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем истинным, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изыщного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины».

Обратите внимание, что великий критик связывал восприятие театра с совершенно предметными понятиями: с удовольствием чувства прекрасного и с трибуной переловой общественной мысли, ибо «блага» и «истина» — в одном ряду с театром...

Куйбышевский театр имеет серьезного зрителя, имеет давно и, надо полагать, будет иметь и впредь, потому что давал и дает пищу уму и сердцу многих поколений зрителей, возбуждая их духовную активность, укрепляя и воспитывая их нравственное чувство, гражданскую зрелость. Оставаясь при всем том, своеобразным, если не уникальным художественным

организмом, искусство которого имеет свою тенденцию, свой способ видения жизни.

И это только говорят, что один зритель ходит на классику, другой — на современную пьесу, третий — на комедию, а другой вообще ходит «на акторов». Все они ходят в театр в ожидании открытия, и это, право же, неплохая программа для отношений театра со своим зрителем.

Но значит ли все это, что в зрительном зале нет своих проблем? Мне кажется, они есть, и само благополучие театра их породило. Появилась определенная категория восторженного зрителя, который в своей слепой преданности театру не способен реально глядеть на вещи, готов принять «на ура» все без разбору, мешая кислов с пресным, и в результате, оказывая театру плохую услугу. Я не люблю зрителя-скептика, предающего зрителя, но не они, а именно восторженные без меры губили и целые труппы и многие актерские судьбы...

Не думаю всерьез, конечно, что такие беды грозят нашему театру, но ведь и сладостный дым щиплет глаза. К тому же что-то уж слишком активен стал этот зритель. Потому что одно дело кричать «браво», а другое — вмешиваться в практическую жизнь театра, а то и в распределение ролей (на зрительских конференциях об этом говорят без обиняков). Зрительская активность — прекрасная вещь, когда она

выражается в духовной причастности к театру, но не более.

И еще на тему зрителя. Как известно, театр не может, как правило, вместить всех желающих, иначе говоря, туда нелегко попасть, тем более зрителю молодому, за счет которого и должна подниматься его аудитория. Казалось бы, телевидение могло колоссально раздвинуть стены зрительного зала. Не тут-то было! Спектакли куйбышевцев на экранах телевизоров такая же редкость, как и десять лет назад. Финансовые интересы? Неужели они «интереснее» возможности достичь настоящего искусства до широких масс? Сделало же телевидение хорошее дело, записав и показав несколько «Бенефисов», практиковавшихся в театре в этом сезоне. Но «Бенефисы», как пишут рецензенты, праздники, «полукапустники», а настоящий театр — будничней.

2. РЕПЕРТУАР

Шесть новых спектаклей посмотрели в прошедшем сезоне зрители. Была здесь и русская классика («Господа Головлевы»), западная классическая и современная пьеса («Пигмалион») и «Визит старой дамы», спектакли на основе современной советской литературы (пьеса «Каса маре», инсценировка симоновской прозы «Мы не увидимся с тобой» и киносценарий (!) «Наш современник»).

Репертуар, как говорится, разнообразный, но на первый взгляд труднообъяснимый. Как раз в силу такой разноплановости. Но, повторяю, только на первый взгляд. Многолетняя репертуарная политика главного режиссера и руководителя театра П. Л. Монастырского здесь проявилась весьма характерно. Я бы назвал ее реалистической, потому что объективные возможности труппы и субъективные пристрастия режиссера вполне в согласии.

И вот почему. К примеру, театр психологической драмы, каковым является наш театр, не может обойтись без глубинной «пахоты» великих русских реалистов, где что ни характер, то глыба (по лышевской интеллектуальной терминологии «монстр»), где все связано не тонкими проводками случайных драматургических связей, а цепями социально-психологических отношений, где медленнее не запрятать, но быстрее едут. И вот появляются «Господа Головлевы» (инсценировка Е. Весника, постановка В. Муравя), удивляющие верстовой масштабностью обличения порока, выворачивающие душу стенами пограничного человеческого естества.

А «Пигмалион», разве не в традициях он нашего театра, где эксцентрическая комедийная легкость одухотворена уверенным и добрым убеждением, что человек имеет право на счастье, право быть личностью, иметь внут-

ренний мир...

Право на счастье... И в спектакле «Каса маре» есть эта тема, как и тема ответственности за счастье других. Есть эта мысль и в «Нашем современнике», где личное счастье трактуется как средоточие нравственных начал героя, главное из которых — чувство гражданина...

Нет, далеко не прост и не случаен репертуар сезона. Он дает возможность театру разговаривать со зрителем о важнейших проблемах человеческого бытия, средствами своего искусства учит различать добро и зло, учит человеческого достоинство.

Важно отметить, что в основе всех шести спектаклей академического театра лежит первоклассная литература, обстоятельство, вполне понятно, немаловажное. Конечно, инсценировка — не лучший вид драматургии, но, даже являясь противником переложений романов и повестей на театральный язык, уславнивавший себя мыслью, что проза-то здесь достойная.

Но вот наблюдение иного рода. Из шести названных — увы — примелькались в театральных афишах страны. И каким же добротным не был настоящий репертуар, он не дает представления о современной советской драматургии, которая много разнообразнее по темам, по жанрам и по своей художественной проблематике. В сводной афише сезона современная пьеса представлена, конечно, но вот среди премьер ее что-то не видно...

Впрочем, к этому мы еще вернемся, когда будем говорить о режиссуре и актерских работах — в следующей статье.

Е. ЖОГОЛЕВ.